

А. ВОСТОКОВ, В. КЮХЕЛЬБЕКЕР, Е. РОЗЕН, Ф. ТЮТЧЕВ,
Н. ОГАРЕВ, Н. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, А. ТОЛСТОЙ

НЕИЗДАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ ИЗ ГЕТЕ

Печатаемые ниже переводы и подражания различных авторов по той или иной причине остались в свое время неопубликованными и выпали из истории русской поэзии и поэтического усвоения Гете. Мы публикуем их как новые материалы, освещающие судьбу Гете в русской поэзии XIX века.

I. А. Х. ВОСТОКОВ (1781—1864)

Переводы «Моей богини» и «Ифигении в Тавриде» печатаются по рукописям архива Академии Наук («Бумаги Востокова»). Обе рукописи беловые, с незначительными исправлениями. К «Моей богине» имеется черновик с вариантами. Рукописи подготовлены к печати В. Жирмунским.

Согласно указанию В. И. Срезневского («Заметки А. К. Востокова о его жизни» в «Сборнике Отделения Русского Языка и Словесности Академии Наук», т. 70, 1901 г., стр. 102) перевод «Моей богини» был прочитан в «Вольном обществе» 28 декабря 1811 г., а перевод «Ифигении в Тавриде» — 9 июня 1811 г.

МОЯ БОГИНЯ

Которой из Богинь воздать всех больше честь?

Ни с кем не споря я, хочу ее принести

Одной из них, всегда прменчивой и новой

Любимой дочери Зевеса, чудотворной

Фантазии. — Он ей

Не как другим богам, все прихоти прощает,

Какие только сам себе не запрещает.

Отцову эта дочь утеху составляет.

И милы все ему причуды в ней:

В венке ли розовом цветущими лугами

Пойдет она, держа лилейный скипетр свой

Повелевает мотыльками

И ко цветкам прильнув пчелиными губами

Медвяною питается росой.

Или—власы свои развеявши по ветру

Имея мрачный дикий взор

Блуждает по стремнинам гор,—

Тысящецветно

Переливаясь от света в тень,

Меняся как ночь и день

Как лик луны серебристый ущербляясь

И в разных разных нам видах являясь.

Восхвалим древнего отца
 Высокого небес владыку,
 Что услаждающу сердца
 Отраду нам послал толику,
 И сей нетленной красотё
 Велел быть смертному супругой,
 При радости и при беде
 Ввек неотлучною подругой!
 Ущедрил сим Олимпа царь
 Род человеческий единый
 Беднейшая вся проча тварь
 На лоне матери Земли чадообильной
 Ярмом угнетена
 Потребности всеильной
 Живет для пищи и для сна,
 Пасется, смутные имея наслажденья
 И смутну скорбь,—рабы текущего мгновенья.
 А нам он радуйтесь! сию
 Послал досужую и ловкую, свою
 Изнеженную дочь.—Теките к ней с любовью,
 Как к милу другу своему,
 Пусть будет госпожей в дому
 И чтоб от Мудрости, от старья свекрови,
 Любезну ангелу сему
 Не видеть огорчений!
 Но знаю я ее сестру,
 По старее и по степенней;
 С которой жить хочу, с которой и умру.
 Я ею к благу понуждаюсь,
 Мне с нею легче всякий труд,
 Объемлюсь ею, утешаюсь,—
 Н а д е ж д о ю ее зовут.

ПЕРЕВОД ДВУХ ЯВЛЕНИЙ ИЗ ГЕТЕВСКОЙ ИФИГЕНИИ РАЗМЕРОМ ПОДЛИННИКА

NB. Подлинник писан ямбическим пятистопным стихом древних Трагедий. Я старался в переводе соблюсти оный, позволяя себе однако в местах и шестистопные и четырехстопные стихи и другие вольности, как то: окончания стихов Дактилем вместо Ямба. Эти неисправности, ежели их так назвать угодно, можно будет при второй отделке исправить; теперь я более должен был думать о соблюдении смысла и красот подлинника, которые выразить—всякой знает, сколь трудно переводчику, а особливо с такого краткословного языка, каков немецкий, на такой протяжнословный язык, каков наш Русской. При сих трудностях не почел я за нужное задавать себе еще лишнюю трудность, какою не был стеснен и Гете; т. е. александрийские стихи с рифмами.

ИФИГЕНИЯ В ТАВРИДЕ

Трагедия соч. Гете.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

И ф и г е н и я
 Т о а с, Царь Тавридян
 О р е с т
 П и л а д
 А р к а с

Действие в роще пред Дианиным храмом.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

И ф и г е н и я

Под сень твоих колеблемых ветвей,
 О древня, густолиственна дубрава,
 Как в тихое святилище Богини,
 Еще поныне с трепетом вхожу,
 Как бы впервые—и не может
 Обжиться и обвыкнуть здесь мой дух.
 Уж столько лет меня в сокрытии держит здесь
 Святая воля, ей же покоряюсь;—
 Но все еще я здесь как в первый год чужда.
 От милых бо, увы! отделена я морем,
 И на берегу по целым дням стою,
 Летя душой ко Греческой земле;
 Ах! и на вздохи все в ответ мне чрез пучину
 Глухошумящий токмо отзыв волн.
 Как горестно тому, с родными кто в разлуке,
 Витает одинок! ему тоска
 И близких радостей не даст вкусить:
 Он мыслию не здесь а там,
 В родительском жилище, где впервые
 Взглянул на свет, в невинных где играх
 Рождались связи сверстничества, дружбы.
 С Богами не судиться мне; но лъзя ль
 Об женской участи не пожалеть!
 Муж властвует везде, в дому, на рати,
 И в чуждых он странах помочь себе умеет,
 Стяжает собственность, венчается победой
 И честную приемлет смерть.
 А женщин счастье как стеснено!
 Уже суровому повиноваться мужу
 И долг велит и сердце; что ж, когда
 Враждебной брошено судьбой в чужие люди
 Творенье слабое? Не вдвое ли бедней!..
 Так здесь меня Тоас великодушный
 В священных, строгих узах рабства держит.
 Стыжусь признаться, что тебе, Богиня,
 Служу я с внутреннею неохотой,
 Тебе, Защитнице моей! Желала б я
 Жизнь посвятить тебе мою непринужденно.
 Надеялась всегда я непреложно,

Надеюсь и теперь, Диана! на тебя,
 Что приняла меня, трепещущую жертву,
 Великого царя, оставленную дочь,
 На кроткое твое святое лоно.
 Так, дочь Зевесова! Как если привела
 Со славой ты в отечество обратно
 Богоподобного Агамемнона,
 Его же ты надмеру наказала,
 На жертву дочери потребовав,—и он
 Дражайшее свое принес тебе на жертву!
 Как если ныне ты за то ему
 Супругу соблюла, и сына и Электру,
 Сии первейшие сокровища;—то даруй
 Обратно и меня родным моим,
 И коль от смерти ты избавила меня,
 Избавь от здешней жизни, той же смерти.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

И ф и г е н и я . А р к а с .

А р к а с

Меня послал с благим приветом царь
 К Дианиной священнице. В сей день
 Благодарение за новые победы
 Таврида принести спешит своей Богине.
 Предпослан я сказать, что царь идет
 И воинство за ним.

И ф и г е н и я

Готовы мы

Принять их благолепно, и воззрит
 Богиня наша милостивым оком
 На жертвы, ей угодны от Тоаса.

А р к а с

О, если бы и взор достойно чтимой жрицы,
 Твой взор, святая дева, я обрел
 Довольнее и радостнее ныне,
 Спасительный нам признак всем!
 Еще душа твоя печалью неизвестной
 Помрачена; и сколько лет ты здесь—
 Еще доверчивых мы не слыхали слов,
 В которых бы твое нам говорило сердце.
 Я сколько крат ни приходил сюда,
 Всегда в тебе сей взор меня страшайший;
 И крепко, как в веригах бы железных
 Закована в груди душа твоя.

И ф и г е н и я

Как должно изгнанной и сироте.

А р к а с

Изгнанницей себя и сиротою
 Ты считаешь здесь?

И ф и г е н и я

Страна чужая

Нам может ли отчизну заменить?

Ифигения в Тавриде

Шрелодив. сэт. Гете.

*

Исполняющая роль.

Ифигения

Моисей, Царь Тавриды

Орест

Никадзе

Царь

Истия в роуэ предъ Дионисовъ краховъ

Действие первое

Место: публ.

Ифигения

Подъ стис твоихъ колеблющихъ вратахъ
О дубня, цытохиственная дубрава,
Какъ въ тихое свѣтлѣице болани,
Еще поивитъ ей трепеще въ оору
Кладъ ти въпервя — и не мореть
Обратяся и обвѣнчутьъ зѣри мой дубъ
Уже стѣнко стѣмъ мѣня въ сокровищъ держитъ зѣри
Свѣтлая вода, ей же покоряюсь —
Но все еще я зѣри какъ въ первѣи зѣри зѣри
Отъ мѣнхъ бо, зѣри! стѣнко я мореть,
И на зѣри почитанъ стѣмъ стѣмъ,
Лета дубно ко зѣриской зѣри!

А р к а с

А ты отлучена отчизны?

И ф и г е н и я

Я об ней-то

Тоскую день и ночь. Еще отроковицу
 В те годы, как привязанность сердечна
 Усиливаться начинает в нас
 К родителям и к кровным,—и когда
 Младые отрасли стремились дружно
 От корня старых древ подняться выпреть,
 Тогда к несчастью вдруг меня постигло
 За чуждую вину Проклятие...
 От милых отняло, и медною рукою
 Прекраснейший союз расторгло.—Отцвела
 Беспечной молодости лучша радость,
 Надежды лестные в ничто обращены.
 Сама лишь я себе как тень осталась;
 И прежней живости ничем не воскресить.

А р к а с

Когда ты столь себя несчастной называешь,
 Позволь же мне еще назвать тебя
 И несколько неблагодарной—

И ф и г е н и я

Я

Всегда являла благодарность вам.

А р к а с

Не искреннюю, не такую,
 Которая благоденью служит
 Наградю—не тот веселый взор
 Которым гость хозяину являет
 Довольну жизнь, радеющее сердце.
 В то время как таинственной судьбой
 Приведена была к сему ты храму,
 Тоас тебя как богом данную
 Благоговейно и усердно встретил.
 Сей брег тебе одной приязнен был и мирен,
 Дотоле всем пришельцам столь ужасный:
 Из них кто заходил на оный, до тебя,
 Тот пред Дианиным святым кумиром
 По древнему поверию должен был
 Пасть непременно жертвою кровавой.

И ф и г е н и я

Жить—есть не только что дышать свободно.
 Сколь бедная та жизнь, которую я здесь
 В святилище—как тень над собственной могилой—
 Влачу во скуке? То ли назову
 Веселым и полезным бытием,
 Когда нас каждый день празднотекущий, сонный
 Приготовляет к темным оным дням
 Что празднуют на Летиных брегах
 В самозабвении усопших скучны лики?
 Жизнь бесполезная есть ранняя смерть;

Сию-то участь женщин я всех боле
Изведала.

А р к а с

Что недовольна ты
Собой, прошу тебе столь благородну гордость,
Колико мне не жаль тебя; она
Тебе мешает жизнью наслаждаться.
Ты разве ничего не сделала еще
С прибытья твоего сюда? А кто же
Цареву мрачну мысль рассеял, разъяснил?
Кто древний тот обычай лютей,
Чтоб кровию пришельцов обагрять
Дианин жертвенник—год от году умел
Воздерживать кротчайшим убежденьем?
И пленных свободив от верной смерти,
Столь часто во отчизну отсылал?
Диана не сама ли вместо гневу
За опущение кровавых прежних жертв,
Молитву кроткую твою прещедро
Услышала? Не беспрестанно ль ныне
Сопутствует победа нашим воям
И даже предлетит?—Не каждый ли из нас
Довольнее стал жребием своим
С тех пор как царь, столь долго бывший нам
Премудрый токмо вождь и храбрый, от тебя
И милосердью научается,
И поданным своим дарует льготу?
Ты это бесполезным называешь?..
Коль от тебя на тысячи людей
Лиется бальзам утешения;
Коль счастья нового источником ты стала
Народу, коему дана богами ты;
Коль брошеным сюда несчастным чужеземцам,
На бреге смерти негостеприимном,
Готовишь ты спасенье и возврат?

И ф и г е н и я

Содеянное кажется все малым
Тому, кто видит, сколько впереди
Еще осталось совершить ему.

А р к а с

Но ты похвалишь ли того, кто не ценит
Своих деяний?

И ф и г е н и я

Тот достоин порицанья
Кто вес дает своим деяниям.

А р к а с

И тот кто истинных в себе достоинств
Из лишней гордости, не хочет видеть,
Подобно как и тот, кто ложными гордится
Достоинствами.—О! поверь мне, не отринь
Моих советов искренних, усердных:
Коль царь сегодня вступит в речь с тобой,

Будь ласковой, и облеghi ему
 Что он тебе намерен объявить.

И ф и г е н и я

Ты с каждым словом мне вселяешь новый страх,
 Хоть чувствую, что мне добра желаешь;
 С трудом уже я часто отклоняла
 Царево предложение.

А р к а с

Подумай

О следствиях, о пользе твоего
 Поступка. Царь, с тех пор как сына он лишился,
 Немногим верит уж из приближенных
 И сим немногим меньше прежнего.
 Он с недоверчивостью смотрит
 На сына каждого вельможи
 Как на преемника престолу своему;
 Боится, чтоб на старости не быть
 Оставленным и беспомощным; даже
 Боится может быть и мятежа
 От дерзновенных,—и кончины злой.
 В витийстве хитром Скифы не горазды
 А паче царь, обыкший искони
 Повелевать и действовать всевластно.
 Он не умеет речь свою вести
 С нарочным умыслом, искусно, издалеча.
 Не затрудняй же оной ты ему
 Строптивым, отрезающим ответом
 И недоразумением притворным;
 Но снисходительно пойми его сама
 На половине речи—сократи
 Ему дорогу объясненья.

И ф и г е н и я

Мне ускорить самой грозящу мне невзгоду?

А р к а с

Супружество его тебе гроза?

И ф и г е н и я

Оно страшнее для меня всех гроз.

А р к а с

Ты на любовь его ответствуй токмо
 Доверенностью.

И ф и г е н и я

Пусть он прежде

Отымет страх от сердца моего.

А р к а с

Почто таишь пред ним свое происхожденье?

И ф и г е н и я

Священнице приличествует тайна.

А р к а с

Ничто бы тайной быть не должно для царя;
 И он хотя не требует, однако
 Он чувствует и чувствует глубоко
 В своей душе великой, что пред ним
 Ты тщательно себя скрываешь.

И ф и г е н и я

Он за то

Не огорчен ли на меня?

А р к а с

Почти.

Хотя он о тебе молчит; но я из разных
Промолвленных им слов, заметил что
В нем поселилося желанье непременно
Владеть тобой. Ах, не оставь его
На произвол движений собственных!
Дабы неудовольствие в нем выше
Не возросло—и следствия ужасны
Не принесло тебе, и ты бы поздно уж
Не каялась, что мой пренебрегла совет.

И ф и г е н и я

Как, разве помышляет царь о том,
О чем бы ни один благородный муж
Не должен думать, если честь ему
Мила и естли он богов боится?
Насильственно он хочет влечь меня
От алтаря на одр свой? О! тогда
Всех призову богов, и первую Диану,
Ревнующее к правде Божество;
Она меня, священницу, конечно
И деву, дева же, охотно защитит.

А р к а с

Спокойся! Не младая буйна кровь
В царе кипит, чтоб сталось от него
Такое сродное лишь юношеству дело.
Из слов его усматриваю я
Жестокое намеренье иное
Которое он непременно
Исполнит, ибо тверд и непреклонен он.
И так прошу тебя, явись к нему
Хотя доверчива и благодарна
Когда не можешь быть склонна.

И ф и г е н и я

Скажи,

Скажи, что далее тебе известно?

А р к а с

Узнай от самого царя. Я вижу, он
Сюда уже идет; ты чтишь его,
И сердце собственно тебе повелевает
С ним ласковой и искренею быть.
Над мужем благородным много может
Жена одним умильным, добрым словом.

И ф и г е н и я (одна)

Хотя не знаю как последовать
Советам верного сего,—но буду
Охотно исполнять свой долг, чтоб за царево
Добро ко мне, платить хоть добрым словом.
О если бы при том я сильному могла
Сказать угодное, и правду не обидеть!